

Часть I

**СТАВКА
НА ПРОХОДНУЮ
ЛИНИЮ**

1

Парни думали, что я Мессия.

Левша Розенталь не верил в удачу. Он верил в шансы. В числа. В вероятности. В математику. В статистику спортивных команд, которую он выписывал на карточки и анализировал. Он верил, что игры договорные, а арбитров и судей можно купить. Он знал баскетболистов, тренировавшихся каждый день часами бросать мяч мимо корзины, и знал игроков, которые ставили на средние значения в диапазоне исходов, получая десятипроцентную прибыль. Он верил, что одни спортсмены изображают ленивых, а другие больных. Верил в существование череды побед и череды поражений; верил в ставки на разницу в счете, в безлимитные ставки и в карточных мастеров, которые были настолько хороши в своем деле, что могли раздать карты, не надорвав целлофан на упаковке. Короче говоря, когда речь заходила об азартных играх, Левша верил во все, кроме удачи. Удача была потенциальным врагом. Искусительницей, отвлекающей от фактов своим развратным шепотом. Левша рано смекнул, что если он хочет отточить мастерство и стать профессиональным игроком, то ему нужно исключить из процесса даже малейшую мысль об удаче.

Фрэнк Левша Розенталь родился 12 июня 1929 года, всего за несколько месяцев до биржевого краха. Он вырос на западной стороне Чикаго, в старом криминальном районе, где букмекерские конторы, продажные копы, нечистые на руку члены городского управления и заткнутые рты были нормой жизни.

«Мой отец был промышленным оптовиком, — говорил Розенталь. — Управленец. Дружил с цифрами. Умный. Успеш-

ный. Мать была домохозяйкой. Я рос, читая программы скачек. От корки до корки. Все, что было в программе, я знал наизусть. Я читал ее прямо в классе. Я был высоким, худым, застенчивым пареньком. Замкнутый ребенок ростом метр восемьдесят. Я был одиночкой, а лошадиные бега были моей страстью.

У отца были свои лошади, и почти все время я торчал с ним на ипподроме. Я жил на ипподроме. Работал на конюшне. Был конюхом. Болтался вокруг трека. Убирал навоз. Я приезжал туда к половине пятого утра. Я стал частью конюшни. Я начал появляться там в возрасте тринадцати-четырнадцати лет. Я был сыном хозяина. Никто меня не доставал.

Родители беспокоились, когда начал делать ставки на спорт. Мать знала, чем я занят, и не одобряла этого, но я был упрямым. Никого не слушал. Мне нравилось изучать расписание, сведения о жокеях, стартовые позиции. Ночью в своей комнате я переписывал эту информацию на регистрационные карточки.

Как-то раз я прогулял школу, чтобы двинуть на трек. Взял с собой пару дружков. Смышленные ребята. Мы остались на восемь заездов, и я выбил семь побед. Парни думали, что я Мессия. Отец, заметив меня, отвернулся. Он со мной не разговаривал. Он был в бешенстве из-за того, что я прогулял школу. Придя домой, я не сказал ему ни слова. Это не обсуждалось. О выигрыше я тоже не говорил. На следующий день я снова вместо уроков отправился на ипподром и проиграл все.

Но по-настоящему ставить я научился на стадионах "Ригли Филд" и "Комиски Парк". На каждой игре собиралось сотни по две ребят, которые ставили на все подряд. На каждую подачу. На каждый удар. У всего была цена. Там были парни, которые

просто выкрикивали числа. Это было шикарно. Это было казино под открытым небом. Игра не прекращалась.

Если у тебя был талант, ты был немного эгоистичен и знал, во что играешь, то тебе хотелось с ними посоревноваться. У тебя есть немного денег, и ты готов сражаться против всего мира. Там был тип по имени Стейси; ему было за пятьдесят, а карманы его были забиты наличными. Он принимал любые пари. “Эй, парень, забьют они в этом иннинге¹ или как?” И вместо того чтобы спасовать, в тебе просыпалась гордость. Ты делал ставку и платил цену. Стейси всегда удавалось развести тебя.

Допустим, Чикаго ведет шесть-два в восьмом иннинге, и ты хочешь поставить на то, что они забьют еще, или на то, что в девятом они проиграют. Или на то, что они заработают два аута одним броском, чтобы завершить иннинг. Или сделают хоум ран² и выиграют. Или сделать ставку на дабл³, трипл⁴ или флайаут⁵. На что угодно. Стейси примет ставку на невыгодных для себя условиях. Он примет ставку двадцать пять к одному на хоум ран. Бам! Да, именно так. Флайбол двадцать к одному. Аут восемь к пяти. Если вам хотелось поучаствовать, то вы делали ставку, а он выдвигал условия.

¹ Иннинг (*англ.* inning) в бейсболе, софтболе и в похожих играх — это период игры, поделенный на две части (фрейма): «верх» (*англ.* top half) и «низ» (*англ.* bottom half), во время которых одна команда играет в обороне, а другая в нападении.

² Хоум ран — сильный дальний удар, после которого мяч летит за пределы поля и его становится невозможно поймать.

³ Дабл — удар, в результате которого отбивающий сумел добежать до второй базы.

⁴ Трипл — удар, в результате которого отбивающий сумел добежать до третьей базы.

⁵ Флайаут — летящий мяч, пойманный игроками защиты до того, как он коснется земли.

Поначалу я этого не понимал, но каждая из ставок, сделанных Стейси, была со страховкой. Ставки на аут к концу дня были, — я не вспомню реальных цифр, но, скажем, — сто шестьдесят шесть к одному, а не тридцать к одному, как утверждал Стейси.

Ставки на хоум ран после первой подачи могли быть три тысячи к одному вместо семидесяти пяти к одному. И так далее. Заклячая пари со Стейси, нужно было помнить об этом, иначе ты рисковал быть обобранным до нитки.

Когда я освоился, то просто сидел и слушал его ставки, записывал их и вел учет. Чуть позднее я сам начал предлагать пари. За годы, проведенные на стадионах, Стейси успел сколотить небольшое состояние. Он изрядно поднялся. Он был мастером, который умел заставить всех вокруг делать ставки. Он был великим шоуменом.

Тогда не было спортивных каналов, журналов, газет и радиопрограмм, которые вещали бы о тех играх, на которые мы ставили. Если ты был со Среднего Запада, то подробностей об играх Восточного и Западного побережья было так просто не узнать. Ты узнавал итоговый счет, и все.

Если ты играешь по-взрослому, то нужно знать куда больше. Я стал читать все подряд. Отец подарил мне коротковолновый радиоприемник, и я часами слушал прямые репортажи игр тех команд, на которые собирался ставить. Я начал выписывать газеты со всей страны и ходил в киоск, где продавались иногородние газеты. Там я и познакомился с Хайми Тузом. Он был легендой, настоящим профессионалом. Он терся у того же киоска и покупал десятки газет, прямо как я. Потом садился в тачку и начинал читать. Мы были похожи, только у меня не было машины. У меня был велик. Скоро мы познакомились. Он знал, чем я занимаюсь.

Хайми был старше меня лет на десять-двенадцать. Я взял за правило всегда здороваться с ним и другими профи и радовался тому, что они все мне отвечали. Я был еще ребенком, но они видели, что я настроен серьезно и что у меня есть потенциал, поэтому были готовы мне помочь. Они были ко мне добры. Пустили меня в свою компанию. Я чувствовал себя значимым.

И я начинал зарываться. Дела шли хорошо, я был в себе уверен. Намечался баскетбольный матч между командами Мичиганского и Северо-Западного университетов. У меня были свои люди в обоих учебных заведениях, что придавало еще большую уверенность. Мне нравилась команда Северо-Запада.

Нет, я не говорю, что она мне *нравилась*. Я не был ее фанатом. На стене моей комнаты не висел их вымпел. Они нравились мне как объект ставки. Для меня все команды сводились к одному — к ставкам. Я с нетерпением ждал этой игры. Смотрел ее. Я поставил на победу Северо-Запада над Мичиганом. Все билеты на матч были распроданы. Я пришел на игру и встретил Хайми Туза. Хайми знал о баскетболе больше всех на свете. Мы обменялись приветствиями. До начала оставалось десять минут.

Я рассказал о своей ставке и спросил о его планах. Я был настолько уверен в информации, которой располагал, что сделал тройную, как я ее называл, ставку — поставил две тысячи долларов. Это был тот максимум, который мне позволяли мои накопления. Обычной ставкой для меня на тот момент были две сотни долларов, двойной — пять сотен, а тройной — две тысячи. Я был ребенком. Это был мой потолок. Мы говорим о тех временах, когда у меня было всего-навсего тысяч восемь.

— Что? — удивленно спросил Хайми. — Почему ты ставишь на Северо-Запад? Ты что, не слыхал о Джонни Грине?

— О ком? — спросил я.

— Джонни Грин. Да что с тобой?

Так вот, Джонни Грин был чернокожим игроком, который весь сезон не попадал в основу. И вот за пару дней до игры он внезапно туда попал. Это прошло мимо меня.

— Грин возьмет все подборы в игре, — сказал Туз, и мое сердце замерло.

Я побежал к телефонным будкам, но их было всего две, а очередь к каждой растянулась человек на двадцать пять. Надо отказаться от ставки, аннулировать или перераспределить. И вот я стою в очереди к телефону, объявляют начало игры, а вместе с ним и мой конец. Уже ничего не изменить.

Я вернулся и занял свое место. Я смотрел за игрой Грина. Как Туз и сказал, он контролировал оба кольца. Прошла половина матча, а я уже увидел достаточно. Мичиган уничтожил Северо-Запад. Туз отлично справился с домашним заданием, а я нет.

Туз не просто знал, что Грин в основе: он знал, что это за игрок, знал, что он хорош в подборе, и знал, что этим они победят Северо-Запад. Грин впоследствии попал в сборную и стал топовым профессиональным игроком.

Я выучил чертовски важный урок. Я понял, что не так умен, как мне кажется. Я позволил себе стать слишком зависимым от людей. Дал им право думать за меня. Я понял, что если хочу посвятить жизнь ставкам, стать врагом лучших букмекеров, то нельзя никого слушать. Если я хочу зарабатывать этим на жизнь, то должен сам обо всем думать и все делать лично.

Я начал со студенческого баскетбола и футбола. Выписывал все университетские газеты и каждый день читал спортивный

раздел. Звонил факультетским корреспондентам и выдумывал разнообразные истории, чтобы получить дополнительные крупницы информации, которые не попали в газеты.

Поначалу я не говорил им, зачем мне нужна эта информация, но довольно быстро все догадались, и так я познакомился с парой башковитых ребят, которых взял в команду. В случае выигрыша я подогревал их парой баксов, и скоро у меня образовалась целая сеть информаторов, которые держали меня в курсе подробностей университетских игр.

Повзрослев, я стал ходить на матчи с диктофоном. На меня работали наблюдатели. Я просил нескольких ребят следить за конкретными игроками. Сам я следил всего за двумя или тремя игроками. Остальное меня не интересовало; они должны были следить за тем, за чем я сказал. Потом я забирал у них заметки. Летел в следующий город, где играла команда, и снова смотрел за ее игрой. Сравнивал стартовые составы. Итоговый счет никогда не является основным показателем, на который стоит смотреть, если собираешься выиграть деньги, а не проиграть их. Я знал, кто из игроков потянул лодыжку и стал медленнее бегать. Знал, кто из нападающих простудился. Чья подружка залетела, а чья ушла к другому типу. Кто курит травку, а кто нюхает кокс. Знал о травмах, о которых не писали в газетах. О травмах, которые игроки скрывали даже от тренера.

И со всей этой информацией мне не составляло труда понять, кто из букмекеров ошибся в коэффициенте. Я не мог их винить. Они следили за кучей видов спорта, за кучей игр. Я сконцентрировался на малой части. Знал все о некотором количестве конкретных игр. И я уяснил очень важную вещь — нельзя ставить на каждую игру. Иногда можно поставить на

одну-две из сорока или пятидесяти. Иногда, понял я, за весь уик-энд не представлялось возможности сделать хорошую ставку. В таком случае я не делал ставок, а если и ставил, то чисто символически.

Я ошивался в табачной лавке на улице Кинзи. Местом заправляли Джордж и Сэм. На прилавках были выставлены сигары и тому подобное. Но в глубине помещения был телеграф “Вестерн Юнион”, телефонные аппараты и меловая доска для тотализатора. В те дни эти парни первыми получали самую актуальную информацию. Во время бейсбольного сезона окончательный список стартовых питчеров появлялся на доске прямо перед началом игры.

Джо и Сэм были по-настоящему серьезными букмекерами. Они приехали в Чикаго из Тарритауна — поселка в городской черте штата Нью-Йорк. И они получили согласие от тех, кто заправлял букмекерами. Все было на мази. Согласие было получено даже от местного капитана полиции, который разрешил проводить игры в покер, что было незаконно.

Там был бар, они подавали бесплатную еду и напитки. Телеграф стучал не затыкаясь, напоминая тикер¹. Достать аппарат “Вестерн Юнион” было непростой задачей для букмекера. Они предназначались для газетных редакций, но, заполнив нужные бумаги и зная пару хитростей, заполучить его было реально. Тогда я был таким наивным, что даже пытался заказать аппарат домой. Меня послали.

Джордж и Сэм были частниками, но им все равно приходилось платить за крышу. В те времена все игорные дома и букмекерские конторы были обязаны платить. Букмекеры улаживали вопрос с копами, копы улаживали вопрос с орга-

¹ Тикер — биржевой аппарат, передающий котировки ценных бумаг.

низованными бандами. А иногда банды улаживали вопрос с копами. В конце концов, все улаживали между собой все вопросы, и все было прекрасно, пока всем удавалось на этом заработать.

Когда мне было девятнадцать, — продолжил Розенталь, — я устроился клерком в службу спортивных новостей “Анджел-Каплан”, которой владел Билл Каплан. Работа мне очень нравилась. Мы целыми днями висели на телефонах с букмекерами и игроками, давая им линии. Люди со всей страны были связаны друг с другом. У нас были телефоны, подключенные бывшими работниками телефонных компаний к особым каналам связи. Мы знали голоса и позывные друг друга, но со временем узнавались и настоящие имена.

Я все еще был юнцом и жил в Чикаго, когда стал работать на крупнейшего букмекера в Штатах — Джилу Бекли из Нью-порта, Кентукки. Джил держал под контролем весь Ньюпорт. Легавых. Политиканов. Весь чертов город.

У Джилы была крупнейшая в Ньюпорте букмекерская компания. На него работали тридцать служащих. Именно к нему все букмекеры страны обращались за тем, чтобы передать свои ставки, если было слишком много желающих заключить пари на тот или иной исход.

К примеру, букмекерам из Далласа приходилось принимать больше ставок на местную команду, чем им было нужно, поскольку противоположный исход был непопулярен, и это приводило к дисбалансу. В таких случаях букмекер звонил Джилу и просил перехватить ставки, а клерки Джилы быстро забирали нужное количество ставок из Далласа, чтобы добиться баланса. Бекли работал по всей стране, поэтому он мог найти достаточно желающих поставить на соперников

команды из Далласа для будущей игры, поэтому проблема решалась.

Куда бы Джил ни поехал, он всегда был королем. Зимой он отдыхал в Майами. Он мог пригласить на обед двадцать или тридцать ребят одновременно. “Пошли к Джо в «Стоун Краб!»” “Пошли туда!” “Пошли сюда!” Вокруг него всегда была свита, и он всегда сам закрывал счет.

Честно говоря, я общался с Джилом Бекли только по телефону. Через пару лет телефонных разговоров он понял, что я перспективный малый. Беспринципный. Знаток гандикапов. Я начинал обрастать репутацией. Достаточно долго пообщавшись с Бекли, я понял удивительную вещь — Джил Бекли не мог без подсказки ответить на вопрос о том, сколько игроков в бейсбольной команде. Кроме шуток.

Он не мог ответить на этот вопрос. Это его не интересовало. Я серьезно. Микки Мэнтл¹? Кто это? Бекли не знал. Даже, мать его, и не догадывался. Впрочем, ему это было не нужно. Он был букмекером и воротилой. Он не играл на ставках. Он просто управлял крупнейшей бухгалтерией страны. Я был поражен.

Скоро я понял, что это не имеет значения. Все, что должен делать букмекер — это держать правильный баланс, забирая свои десять процентов. Не нужно быть экспертом по командам, даже не нужно разбираться в игре. К моему удивлению, это было нормой для многих игроков и букмекеров. У нас в Чикаго был парень, известный как Бенни Ставка. Крупнейший букмекер в городе. Бенни рубил миллионы на ставках, но,

¹ Микки Мэнтл — американский профессиональный бейсболист, был полевым игроком и защитником в команде «Нью-Йорк Янкиз».